

УДК 94 (571.1/5)''16/19''

В.П. Бойко

РОЛЬ ПРАВОСЛАВНОЙ ВЕРЫ В ОСВОЕНИИ И ХОЗЯЙСТВЕННОМ РАЗВИТИИ СИБИРИ XVII – НАЧАЛА XX В.

Статья посвящена истории освоения и хозяйственного развития Сибири в дореволюционный период на основе анализа различных социальных групп. В качестве примера взяты казачество, крестьянство, дворянство и чиновничество, купечество и разночинцы. Дана характеристика основных черт менталитета этих сословий и их влияния на формирование официального православия. Делается вывод о разнообразных чертах их социально-психологического склада и недостаточной общности интересов, что привело в конечном итоге к социальной катастрофе.

Ключевые слова: история Сибири, православная вера, менталитет.

Широко известно, что российское казачество было сложным и противоречивым явлением русской истории. С одной стороны, казаки были одним из дестабилизирующих факторов в политической истории: принимали активное участие во всех крестьянских войнах, были главными действующими лицами в великой Смуте, охватившей Россию в начале XVII в. С другой стороны, трудно переоценить роль казачества в защите Отечества от внешних врагов, в деле освоения новых территорий, прежде всего Сибири. Одной из отличительных черт казачества как социума был демократический уклад, когда основные проблемы решались сообща «на казацком круге». Казачество являлось носителем мечты о безграничной свободе, вольнице, разгульной жизни, которая в условиях крепостничества, нищеты и бесправия была заветной для большинства населения России. Казацкая вольница, на наш взгляд, естественным образом вошла в образ жизни Сибири, где большинство городов основали казаки, и долгое время оставалась субкультурой, влиявшей на складывание общесибирской картины мира. В основе ее лежали особые отношения между обществом и властью. Общество, по мнению казаков, должно было влиять на формирование местных порядков самыми разными способами, вплоть до восстания.

Томский бунт середины XVII в. был детально описан крупным исследователем Сибири академиком Н.Н. Покровским, который сделал вывод, что даже после его подавления правительство было вынуждено урегулировать крестьянские повинности, облегчить положение служилых людей и казаков, заменить некоторых воевод [1]. Такие действия могли создавать впечатление, пусть даже и иллюзорное, что система управления хотя и оставалась прежней, но в результате местного протеста становилась более справедливой. Казацко-демократическая субкультура была по своей форме экстравертированной, т.е. открытой для поступления энергии извне, без строгой фиксации членства в ней и в то же время щедро выделяющей свою энергию во время бунтов, митингов, демонстраций и других публичных событий. По характеру действий носителей этой субкультуры можно отнести к незрелой, «детской» манере поведения, ко-

гда поступки совершаются под воздействием прежде всего эмоций, а не рассудка, как это часто делают дети, не задумываясь о последствиях содеянного. Другой составляющей рассматриваемой субкультуры является правовой нигилизм, который порой приобретает криминальный оттенок. Например, страшным проявлением томской вольницы следует назвать события осени 1905 г., когда на улицах Томска разыгралась кровавая трагедия – столкновение революционных и монархически настроенных сил. Подобные примеры решения политических вопросов на улицах были и в других сибирских городах, но немногие из них имели столь тяжелые последствия.

В этой связи необходимо отметить, что роль узды этой казацкой стихии играло православие. Вера присутствовала в сознании казаков как идеологический фактор и облагораживала и цивилизовала их обыденную жизнь. Во всех крепостях и острогах, которые казаки и служилые люди возводили при проникновении в Сибирь, в первую очередь строились храмы и часовни. После 10–20 лет службы казаки получали довольно значительный надел земли и поселялись в окрестностях городов, основывая заимки и деревни, которые назывались затем их фамилиями, именами и прозвищами. В некоторых случаях деревни назывались в честь местночтимых святых и православных праздников (села Вознесенское, Троицкое, Пышкино-Троицкое и т.д.).

Особое место в истории края занимает село Богородское, основанное казаками Сваровскими, прибывшими в Сибирь в начале XVII в. Прибыли они сюда, находясь на службе у русского царя, но до этого ушли из Польши, вернее, Речи Посполитой, из-за приверженности к православию. Господствующий там католицизм с подозрением относился к иным верованиям и направлениям христианства, низводя их до уровня «диссидентства» (инаковерия), что приводило к миграции населения на восток. После продолжительной беспорочной службы основатель сибирского рода Сваровских Остафий получил земли в 60 верстах от Томска и основал там село Богородское. Название этого населенного пункта дано не по фамилии его основателя, а по приверженности к православной вере и иконе Богородицы, якобы выловленной из протекавшей рядом Оби. Икона стала местночтимой, и каждый год с ней проводился крестный ход в Томск, но, судя по всему, заказана она была для местной церкви в Тобольске или ином городе у искусных иконописцев за немалые деньги.

Подавляющее большинство населения Сибири составляли крестьяне (более 90 %), поэтому рассмотрим традиционный крестьянский уклад в жизни региона. Он характеризуется, прежде всего, консерватизмом, стремлением сохранить дедовские нормы жизни, а также склонностью скорее к коллективным (общинным) идеалам, чем к индивидуальным началам, как в некоторых других субкультурах. Крестьяне культивировали архаичные формы бытия, тяготели к растворению индивидуального начала в сообществе, отдельной личности в своем строго определенном социуме. На практике это выражалось в неспособности крестьянина представить свою жизнь вне крестьянской общины, имеющей другое, всеохватывающее смысловое значение – «мир».

Носители крестьянской субкультуры испытывали двойственное отношение к одной из основных составляющих современной цивилизации – частной собственности. С одной стороны, крестьяне признавали неприкосновенность

частной собственности, воровство в их среде всемерно осуждалось и жестоко преследовалось. С другой стороны, в общественном (общинном) владении находились важные источники получения продуктов, а при их продаже – доходов. К ним относились разного рода водоемы (прежде всего для лова рыбы), тайга для охоты, луга для выпаса скота и для сенокосов, кедрачи для сбора орехов и т.д. Быстрое обогащение в крестьянской среде воспринималось как несправедливое дело, как грех, требующий покаяния («от трудов праведных не построишь палат каменных»). Крестьяне предпочитали жить прошлым, но не настоящим, которое вторгалось в их жизнь и заставляло строить новые отношения как между собой, так и с внешним миром.

Одним из существенных отличий сибирского крестьянина от крестьян более благополучных в аграрном отношении регионов являлся напряженный труд в период страды, когда нужно было на короткий срок мобилизовать все свои силы, привлекать на срочные работы женщин, детей, стариков. Но это напряжение в большинстве случаев не могло создать основу для благополучия семейного хозяйства, и приходилось прибегать к дополнительным промыслам в виде ремесла, извоза, найма на прииски и речные суда и т.д. Община также определенным образом компенсировала неурожай, эпизоотии (мор скота от заразных болезней), неудачи в промыслах отдельных своих членов, когда перераспределялись налоги, общинные уголья, давались другие послабления, чтобы не потерять своего односельчанина и исправного плательщика налогов.

Одной из главных причин позднего включения крестьянского хозяйства в товарно-денежные отношения была слабая техническая оснащенность хозяйства, особые природно-климатические условия, которые позволяли сибирскому крестьянину работать на земле не более 6 месяцев в году, в то время как в Западной Европе этот период составлял около 10 месяцев. Социальным тормозом во внедрении новых отношений в ткань крестьянской жизни, защитой от политического воздействия крестьян как справа, так и слева выступала также сельская община. Она была, по словам выдающегося ученого-аграрника, академика Л.В. Милова, «оплотом крестьянской сплоченности и средством крестьянского сопротивления» [2. С. 556].

Крестьянство на всем протяжении рассматриваемого периода было самой значительной частью населения городов Томской губернии. Многие жители городов были выходцами из крестьянского сословия и не оставляли своих привычных занятий в городской черте. По нашим наблюдениям, у многих горожан были свои запашки и покосы, свои хозяйства с рабочими-батраками или без них, со своими выездными и рабочими лошадьми, разнообразным скотом и птицей, что накладывало свой отпечаток на обыденное сознание большинства жителей сибирских сел, деревень и части городов. По своему психологическому возрастному складу крестьянство, на наш взгляд, относится к типу отношений, свойственных людям преклонного возраста. Ближе к старости у людей возникает тяга к покою и почету, к укоренению и упрочению в их жизни свойственных им устоев, к стабильности и неизменности отношений как внутри социума (семьи, общины, артели и производственных коллективов), так и всего сословия и общества в целом. Успехи коллективизации в 30-е гг. XX в., на наш взгляд, во многом были обусловлены недавней общинной жизнью крестьян, в памяти которых еще сохранились

прежние картины вполне приличной жизни крестьян-труженников и презрение к лодырям и нечистым на руку дельцам. К сожалению, надежды на плодотворный труд сообща не сбылись, и мечта переросла в ужасную трагедию многих миллионов лучших представителей деревни, тогда как беднота и люмпены делали на их страданиях карьеры и строили на этом свое благополучие.

В то же время идеализация русского (сибирского) мужика в духе писателей-народников 80-х гг. XIX в. также непродуктивна, так как расслоение крестьянства, разрушение общины, столыпинское переселение в Сибирь, Первая мировая война, революционные события начала XX в. лишали крестьян их привычных консервативных ориентиров. В результате нарушение социального покоя крестьянства привело к активному неприятию сторонников перемен, к стихийной, мощной и разрушительной реакции, к русскому «бессмысленному и беспощадному» бунту.

Этот процесс шел одновременно с ослаблением религиозного чувства у основной массы крестьян, связанного и прежде с верой в вечные природные явления, следование которым служило залогом благополучия. «На бога надейся, да сам не плошай» – вот любимая поговорка большинства сибиряков. Это означало, что в сознании крестьянина была уверенность в том, что солнце всходит на востоке, а заходит на западе, что вслед за зимой непременно придет весна, а затем и другие времена года, что в посевную пору нужно выполнить огромный объем работы, а если не уложиться в сроки, то можно потерять часть урожая и т.д. Подчинение таких глобальных процессов божественной воле было, вероятно, только в теории, которую крестьяне получали в процессе начального образования, общения с проповедниками и чтения церковных книг. На практике получалось, что многие природные явления зависят от великого множества случайностей, которые можно предсказать с помощью народных примет и собственных многолетних наблюдений. В этой связи посещение церкви было необходимым соблюдением определенных правил и ритуалов, которые укладывались в этические и эстетические рамки поведения сельского населения, но сами люди должны были прикладывать значительные физические и интеллектуальные усилия, чтобы божественный промысел реализовывался в конкретных производственных делах.

В последнее время появилось довольно много работ по истории предпринимательства. История формирования сибирского, в том числе и томского купечества – главного носителя буржуазных отношений в регионе, показывает, что большинство предпринимателей были незаурядными по волевым и интеллектуальным качествам личностями. Основой их деятельности, главным мотивом и целью их жизни было стремление к обогащению. С точки зрения купцов эта страсть являлась для них естественной и вполне оправданной, выделяла их среди других сословий. В XIX – начале XX в. купечество Сибири постепенно отходило от народных традиций и обычаев, обособливалось от мещан и крестьян по сословным признакам, вырабатывало свои социальные и ценностные ориентации.

К середине XIX в. происходит становление в их среде буржуазного по своему содержанию менталитета, оформление чувства своей социальной значимости. Однако на ведущие роли в жизни региона купцы выдвинулись только в конце века, когда многие из них получили приличное образование,

стали применять в производстве и для транспортировки паровые машины, пользоваться новейшими изобретениями в области коммерции (реклама, распродажи, банковские услуги и т.д.) [3. С. 120].

Предпринимательская (купеческая) субкультура была порождением и составной частью городской культуры, что являлось одной из причин ее экстравертированности, т.е. открытости. Ее представители смело участвовали в разрушении старой и создании новой картины мира. Психологическая возрастная характеристика буржуазного типа поведения соответствует подростковому (отроческому) поведению, когда большое внимание уделяется внешним признакам жизни, демонстрации своего ума, силы и могущества, когда происходит фиксация и преувеличение достигнутых результатов в различных сферах. Предприниматели, несмотря на свою нацеленность на результат и решительную победу, предпочитают «казаться», а не «быть» ориентированными, произвести эффект своим богатством и роскошью сегодня, а не планировать достижения результата завтра и тем более не искать своего могущества во вчерашнем дне. В этой связи благотворительность купцов на церковные нужды была одним из приоритетов их общественной жизни.

Дворянская и чиновничья составляющая сибирского общества была незначительной по численности, но весьма заметной и влиятельной силой как в общественной жизни, так и в формировании обыденного сознания. В сибирских городах человек с чиновничьей кокардой на картузе или с офицерскими погонами на плечах на улицах и в домах был заметной, если не выдающейся на общем фоне фигурой. У населения, особенно у молодежи, было подспудное желание поближе познакомиться с лицами из благородного сословия, а потом и пытаться подражать им в образе жизни, поведении, досуге, одежде и многих мелочах, которые в глазах провинциала могли выглядеть как проявление значительного столичного или аристократического вкуса. Чиновники, как гражданские так и военные, были порождением нового мира в лице Петербурга. Петровская эпоха пришла на смену Московской Руси и радикально отказалась от прежних ценностей. Как полагают некоторые исследователи, через Петербург проходила умозрительная «ось мира», которая делила мир на организованное и освященное личностью Петра I сакральное место и противопоставленный ему хаос, в котором находилась средневековая Русь [4. С. 158].

В связи с этим чиновно-дворянское сословие навязало обществу свою картину мира, которая основывалась на европейском (западном или прометеевском) типе отношений. Устремления рассматриваемой здесь преимущественно дворянской субкультуры находились в прошлом, а ее идеалы требовали консервации и государственной защиты. Сами же дворяне и чиновники к выполнению цивилизаторских (прометеевских) задач не были готовы, эта роль была им не по плечу. По своему психологическому складу это были люди старшего поколения, отставники и пенсионеры, как их сейчас называют. Крестьяне также относились к этой категории, но это были сельские труженики, готовые работать до конца своих дней на земле и получать от своей работы удовлетворение и дополнительный доход. Благородное же сословие принадлежало к городским слоям населения и пенсия с доходами от

имений были главными источниками их безбедного существования. Однако отсутствие деловой хватки и привычка к жизни не по средствам приводили дворян к разорению, что превосходно описали в своих рассказах и повестях И.А. Бунин и другие русские писатели и мемуаристы.

Одной из главных сословных характеристик дворянской субкультуры была склонность к лени и праздности, к свойственному благородному сословию типу поведения, где чувственные удовольствия и игровой азарт были на первом плане. Наиболее выпуклые характеристики такого образа жизни можно прочитать у И.А. Гончарова – «Обломов», Н.В. Гоголя – «Мертвые души» и у других великих русских писателей. Такой тип отмечен и в Сибири, где, по меткому замечанию П.А. Словцова, земельное владение местного чиновника умещалось в цветочном горшке, а тяга к жизненным удовольствиям была безгранична. Поэтому интерес к службе у такого чиновника ограничивался формальным исполнением своих обязанностей, получением сибирских добавок к жалованью и внеочередного чина. Дополнительные доходы также не считались преступлением, особенно от винных откупщиков и местных купцов, главное, чтобы не схватили за руку в момент передачи взяток. Но видеокамер тогда еще не было, да и желания жаловаться у местных воротил не наблюдалось, они имели свой интерес – привлекать меньше внимания властей к своим грешкам. Ну а вечерами встречались они вместе за игровыми столами Общественного собрания, где перекидывались в картишки до утра, предаваясь азарту, которого так не хватало в скучной провинциальной жизни сибирских городов. Впрочем, и в столичных городах эта страсть пышно расцветала и пустила по ветру многие состояния [5].

Тем не менее на протяжении второй половины XIX в. доля сибирских уроженцев среди местного чиновничества увеличивалась и наметилась, как отвечает известный сибирский историк А.В. Ремнев, тенденция к сближению общества и власти [5. С. 230]. Однако в этот период на первый план экономической, а потом и общественной жизни выходят уже предприниматели, которые и диктуют обществу свой стиль и образ жизни, свои ценностные ориентации, определяя в основном городскую структуру и содержание быденного сознания.

Вполне возможно, что субкультура интеллигенции и разночинцев, оказавшихся по разным причинам в Сибири, была своеобразной контркультурой, так как противопоставляла свои ценности общепризнанным. Поиски истины и всеобщего блага противоречили погоне за чинами и орденами, почестями и богатством, комфортом и роскошью, присущими другим привилегированным сословиям и соответствующим им субкультурам. Здесь радикальные разночинцы по уровню своих притязаний сближались с представителями других контркультур, которые также отвергали официально принятые ценности. К ним принадлежали криминальный мир, разного рода секты, общины раскольников и некоторые другие. Они противопоставляли себя не только обществу, но государству и церкви, что многократно усиливало их роль в социально напряженном обществе.

Радикальные разночинцы демонстрировали экстравертивные ориентации, направленные на переустройство общества по своим рецептам. В этой связи доминантную роль в их деятельности играл подчеркнутый атеизм.

Разночинцы в Сибири имели, как правило, высокий уровень образования и получали основной доход за счет умственного труда. Это предоставляло им относительную независимость и позволяло критически относиться к окружающей действительности, в первую очередь к социальному устройству общества. Значительная часть сибирской интеллигенции ориентировалась на оппозиционность к правительству, которая усиливалась под влиянием ссыльных. В пестрой городской жизни разночинцы из радикалов выделялись, как правило, своим внешним видом (пенсне, длинные волосы у мужчин и короткие у женщин, большинство из них непрерывно курили и т.д.), образом жизни, вкусами и пристрастиями, что заставляло обращать на них внимание, а в некоторых деталях и подражать им.

В силу образованности и активной жизненной позиции разночинцы имели возможность широко воздействовать на общественность как через свою профессиональную деятельность (педагогика, журналистика, адвокатура и т.д.), так и приватным образом, в частных беседах и разговорах, через работу в общественных и политических организациях. По психологическому возрастному состоянию эта субкультура принадлежала к юношеству, когда «души прекрасные порывы» должны реализовываться здесь и сейчас и любыми средствами. Нетерпение и юношеский максимализм составляют основу деятельности представителей этой малочисленной, но активной социальной группы.

Таким образом, проведенный анализ субкультур, сформированных на основе обыденного сознания, позволяет сделать вывод о разнообразной и насыщенной жизни сибирского региона в XIX – начале XX в. Период преобладания традиционных субкультур (казацкой, крестьянской и дворянской) частично сменяется под воздействием времени на новые субкультуры (предпринимательскую и разночинскую), более прогрессивные и перспективные. Однако реализовать их в полном объеме не удалось в связи с пестротой социальных и психологических ориентаций, отказом части интеллигенции и других сословий от православия, как фундамента, объединявшего народ в единое целое. Отсутствие единства привело, как и перед монгольским нашествием, к разобщению и подчинению новым идолам и кумирам, принесшим народу много бед и страданий.

Литература

1. *Покровский Н.Н.* Томск 1648–1649 гг. Воеводская власть и земские миры. Новосибирск, 1989. 387 с.
2. *Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. М., 1998. 397 с.
3. *Бойко В.П.* Сибирское купечество и формирование архитектурного облика города Томска в XIX – начале XX в. / В.П. Бойко, Е.В. Ситникова. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2008. 179 с.
4. *Шевцов В.В.* Карточная игра в России (конец XVI – начало XX в.): история игры и история общества. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 242 с.
5. *Ремнев А.В.* Самодержавие в Сибири: Административная политика второй половины XIX – начала XX вв. Омск, 1997. 356 с.